

И.Л. Алексеев

Рецензия на книгу:

Рустам Батыр.

Абу-Ханифа: жизнь и наследие. Ч. 1.

Под общ. ред. Д.В. Мухетдинова.

Нижний Новгород–Ярославль:

Издательский дом «Медина», 2007. 288 с.

Книга Р. Батыра (Батрова), бывшего ярославского имама, а ныне одного из руководителей Российского исламского университета в Казани, посвященная Абу Ханифе – «величайшему предстоятелю» (*ал-имам ал-а'зам*), основателю и эпониму ханафитской школы (*мазхаб*) мусульманского права, представляет интерес по ряду причин. Прежде всего, это первая научная работа на русском языке, написанная имамом. При этом автор предпринял нетривиальную попытку совместить богословско-назидательный трактат и историческое исследование. Можно сказать, что своей работой Р. Батыр открывает в русской мусульманской литературе совершенно новый жанр, который можно было бы обозначить как научно-популярное историко-богословское исследование.

Батров пишет прекрасным русским языком – он легок и доступен для понимания, лишен, с одной стороны, столь модного нынче среди интеллектуалов «научообразия», а с другой – распространенного в работах пишущих по-русски мусульман злоупотребления специфически исламской арабской терминологией. При этом представляется весьма удачным, что в работе выдержан характерный для русской научно-популярной литературы художественно-публицистический стиль, – работа Батрова вполне могла бы быть издана, скажем, в серии ЖЗЛ.

С этим популярным стилем несколько контрастирует, на первый взгляд, развернутый справочный аппарат, система ссылок и комментариев, документирующих едва ли не каждый тезис автора и практически каждый факт, приводимый в его работе. Однако при более близком знакомстве с текстом становится очевидным, как органично ложится этот академический аналог традиционного исламского иснада в авторский замысел научно-популярной агиографии. Автор не просто использует работы своих предшественников, а действительно опирается на солидную, фундаментально и критически проработанную базу источников – памятников средневековой арабо-мусульманской историографии и житийной литературой,

а также исследовательских работ, которая включает в себя как современные арабские и турецкие исследования по фикху и его истории, так и труды отечественных и западных исламоведов. Такой подход существенно расширяет исследовательскую оптику и дает ему возможность мобилизовать методологический инструментарий как традиционной исламской науки, так и западной науки об исламе, которые, в свою очередь, очень удачно взаимообогащают друг друга в рамках рецензируемой работы. Да и так называемому широкому читателю, которому адресована книга, будет в высшей степени полезно представить хотя бы приблизительно ту базу, на которой строит свои рассуждения автор. Отмечу кстати, что сегодня образованный мусульманский читатель достаточно искушен, чтобы по достоинству оценить этот труд.

Сложность темы, за которую взялся автор, состоит в том, что Абу Ханифа одновременно и хорошо известен, и парадоксальным образом почти не известен мусульманской и немусульманской науке. Действительно, сведения о жизненном пути Величайшего имама приводятся в большом количестве исторических хроник и биографических сочинений, а его взгляды многократно изложены и препарированы в трудах его учеников и последователей. Тем не менее исторический портрет Абу Ханифы, сложившийся на основании этих данных, нельзя назвать полным и исчерпывающим.

Анализируя доступные источники и труды предшественников, автор справедливо указывает на издержки апологетики и агиографии. Так, справедливо указывая, что «изобилие источников не всегда облегчает работу исследователя» (с. 9), Р. Батыр отмечает, что Абу Ханифа – «самый противоречивый образ в истории мусульманской религиозной науки» (с. 10). В отношении современных мусульманских работ автор констатирует, что их общей особенностью является «робость, а в отдельных случаях и полное отсутствие критичного отношения к источникам, стремление любым способом согласовать противоречивые сведения вместо того, чтобы ставить под сомнение и выявлять недостоверные из них» (с. 10).

В первой части книги автор на основе широкого круга средневековых арабских текстов стремится реконструировать биографию Абу Ханифы и его мировоззрение. При этом он справедливо и метко замечает, что Абу Ханифа – «это не эпический герой, жизнь которого интересна сама по себе, а в первую очередь мыслитель», поэтому его биография «излагается под таким углом зрения, который позволяет увидеть социокультурные корни его миропонимания, понять, почему он придерживался тех или иных взглядов» (с. 11).

Во второй части собраны исторические анекдоты, связанные с Абу Ханифой, взятые по большей части из тех же источников. Как указывает сам автор, часть этих историй приводится в переводе, часть в адаптированном изложении.

В третьей части содержится авторский перевод пяти богословских трактатов, возводимых к Абу Ханифе. В научном отношении именно последний раздел представляет особый интерес.

Проблему методики и техники перевода исламских вероучительных текстов и передачи исламской богословской терминологии на русском языке нельзя назвать новой для отечественной науки. Тем не менее никакого общего стандарта подобного перевода выработать так и не удалось. Различные научные и переводческие школы предлагают свои решения, но, пожалуй, господствующим, по крайней мере в академической среде, является принцип так называемого филологического, максимально дословного перевода, близкого к подстрочнику. Формально считается, что такой подход дает возможность наиболее адекватно передать грамматико-синтаксическую структуру оригинального текста, и потому он незаменим при филологическом анализе. Однако существенной проблемой остается то, что успешно использовать такой перевод может только специалист, знакомый с языком оригинала, и только для сугубо профессиональных технических целей. Обычный же читатель, работая с текстом в таком переводе, сталкивается с рядом проблем, так как калькирование чуждой для языка перевода синтаксической структуры и дословный перевод с постоянным использованием оставленных без изменений оригинальных терминов неизбежно затрудняют для него понимание смысла написанного.

Рустам Батыр, пишущий для более широкой читательской аудитории, удачно избегает такого подхода. Прекрасное чувство русского языка позволяет ему ясно и вполне адекватно передать не только смысл, но и стиль оригинала, не злоупотребляя арабизмами, как лексическими, так и синтаксическими. В немалой степени переводчик добивается этого, используя лексику, характерную для русской духовной культуры, сформировавшейся в русле православной традиции. При этом он избегает сугубо христианской церковной терминологии, за что всегда филологи-арабисты подвергали жесткой критике дореволюционные русские переводы мусульманской литературы. Представляется, что такой подход может быть довольно продуктивным именно для мусульманской просветительской литературы, ориентированной на читателя-неспециалиста. Действительно, читатель, специально не знакомый с исламом, крайне нуждается во взвешенной информации, исходящей, что и ценно в первую очередь, из собственно мусульманской среды и изложенной одновременно доступно и научно корректно.

Таким образом, работа Р. Батрова не сводится лишь к переводу текста определенного памятника – она оказывается не только «переводом смыслов», но и переводом одной культуры на язык другой. Крайне примечательно, что за эту миссию взялся не академический ученый (в чьи профессиональные обязанности такая задача входит), а мусульманский

религиозный деятель, осуществляющий свою проповедь в центре России и не имеющий другого выхода, как делать это на языке той культуры, которая его окружает, а именно – русской культуры. Этот интеллектуальный и культурный взаимообмен, состоявшийся в сознании отдельно взятого мусульманина, вселяет некоторую надежду на возможность его дальнейшего развития в более широком общественном контексте.